

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

З.С. Гатина, И.М. Савельева

**ИСТОРИКИ ВНЕ СТЕН АКАДЕМИИ:
АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
НА ОСНОВЕ ИНТЕРВЬЮ**

Препринт WP6/2014/05
Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва
2014

УДК 930
ББК 63.3
Г23

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Г23

Гатина, З. С., Савельева, И. М.

Историки вне стен академии: анализ представлений на основе интервью : препринт WP6/2014/05 [Текст] / З. С. Гатина, И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 32 с. – 150 экз.

Авторы данной научной работы на основе интервью с ведущими российскими историками пытаются определить, как ученые понимают публичную историю и как они ею занимаются. Статья посвящена анализу представлений историков о целях и мотивах публичных выступлений, моделях поведения, формах репрезентации исторического материала, а также рефлексии об особенностях системы аргументации и языка при общении с непрофессиональной аудиторией.

Ключевые слова: публичная история, научное знание, популярное знание, медиа, трансляция знания, профессия, публика

УДК 930
ББК 63.3

В данной научной работе использованы результаты проекта «Практики аттестации и присвоения ученых степеней в европейских университетах Нового времени», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Гатина Зарина Салидаровна – стажер-исследователь ИГИТИ НИУ ВШЭ, аспирант факультета истории НИУ ВШЭ.

Ирина Максимовна Савельева – д.и.н., директор ИГИТИ им. Полетаева, ординарный профессор НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Гатина З. С., 2014
© Савельева И. М., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Эта статья – часть большого проекта по изучению неакадемических форм исторического знания¹. Исследуя проблему трансформации научного знания в публичное, мы определили: что такое публичная история, кого можно отнести к категории «публичный историк», когда эта профессиональная область оформилась и каковы причины ее появления, что теоретически происходит с историком на территории современных медиа².

В данном исследовании нас интересует сегмент публичной истории³, представленной учеными, основным местом работы которых остается университет (Академия), механизмы трансформации академического историка в ситуации трансмиссии знания непрофессиональной аудитории⁴. При этом мы обращаем взгляд на сообщество российских публичных историков и на практические аспекты их работы в публичной среде. Таким образом, наша статья не столько о публичной истории, сколько о том, как понимают ее ведущие отечественные историки и как они ей занимаются.

Прежде чем перейти к анализу сюжета, напомним, что с 1970-х годов в западных странах работа с общественностью, особенно выступления в медиа, становятся заметной областью деятельности академических уче-

¹ Savelieva I. Public History' as a Vocation // SERIES: HUMANITIES (WP BRP 34/Hum/2013) National Research University Higher School of Economics; Савельева И.М. Публичная история как призвание и профессия // Генезис дисциплинарного поля в науках о человеке / А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014 (в печати).

² Савельева И.М. Таланты и посредники: граница между академической и публичной наукой // Общественные науки и современность. 2014 (в печати).

³ Об органической публичной истории, предполагающей специализацию вне академии и работу в общественных организациях и группах, см.: Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141–155.

⁴ Мы благодарны участникам международной конференции «A Usable Past: Applied and Interdisciplinary History», которая была организована факультетом истории НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, 28–29 марта 2014 г.), за интерес, проявленный к нашим докладам по публичной истории, и вдумчивые комментарии, во многом побудившие нас к написанию статьи. Также мы выражаем благодарность Оксане Николаевне Запорожец, Борису Евгеньевичу Степанову и всем участникам семинара, проведенного 3 сентября 2014 г. совместно с аспирантами факультета истории НИУ ВШЭ и сотрудниками Научно-учебной группы по изучению истории постсоветских университетов, за обсуждение основных положений рукописи статьи, дельные замечания и идеи.

ных. Публичная активность ученых направлена как на презентацию результатов исследований на неакадемических форумах, так и на обсуждение «жгучих проблем современности». В последние десятилетия работа в медиасреде «перестает восприниматься как маргинальная, отныне она призвана стать как бы частью обычных атрибутов карьеры нового мандарина»⁵. Как считают многие исследователи и наблюдатели, рост публичности университетских людей свидетельствует об утрате монополии на производство знания, об «уравнивании» с публицистами, журналистами, представителями общественных групп, организаторами интерактивных форм познавательного отдыха и др.⁶ В то же время очевидно, что публичная деятельность в этой сфере не может существовать без академической науки, которая составляет ее первоначальный символический капитал. В том числе и профессиональная история является *conditio sine qua non* публичной истории.

Осмысление феномена публичной истории по-новому ставит вопросы не только о границе между наукой и ее популярными версиями, но и о специализации и профессионализме ученого, по отношению к труду которого публичность выступает в качестве отклоняющейся модели. На вопрос: «кто такие публичные историки?» – обычно предлагается предельно общий ответ. Публичные историки пишут широко читаемые, обсуждаемые и влияющие на публику книги; выступают в СМИ, освещая проблемы, имеющие общественное звучание; профессионально работают в публичной сфере, активно взаимодействуя с общественностью, организованной в самые разные исторические объединения. Очевидно, что в таком ответе зафиксирована достаточно давняя функция гуманитария как транслятора профессионального знания общественности (образованным слоям, публике, широким массам, группам).

Скажем сразу, что феномен публичной истории изучен недостаточно. Историки, в отличие от социологов, рассуждают о своей работе с публикой редко и довольно поверхностно. Очевидно поэтому, немногочисленные исследования по публичной истории представляют собой в основном описания практик и казусов⁷. Открытым остается теоретический

⁵ Пэнто Л. Философская журналистика // *Sociologos*. 05.06.2009. С. 10.

⁶ Assmann A. *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. München: Beck. 2007. S. 178.

⁷ History Sells. *Angewandte Geschichte als Wissenschaft und Markt*. Stuttgart, 2009, S. 3–4; *Packaging the Past? Public Histories*. Melbourne, 1991; Samuel R. *Theatres of Memory*. V. 1: *Past and Present in Contemporary Culture*. L., 1994; Jordanova L. *History in Practice*. L., 2006; *History Goes Pop*. Zur Repräsentation von Geschichte in populären Medien und Gen-

вопрос о профессиональном статусе публичной истории, предполагающем определенный уровень академической подготовки, специальные программы, систему самооценки, наличие союзов, фиксированные этические нормы и общественное признание, систему лицензий, регулируемые схемы оплаты труда.

Наша цель – понять, признают ли современные российские историки публичную активность выходящей за пределы академической деятельности или считают ее неотъемлемой частью профессии. Очевидно, что презентация исторического знания в телепрограмме, газетной колонке или популярной книге не будет просто сокращенной или упрощенной версией академического исследования. Это продукт, созданный с иными целями и другими средствами. Как преодолеваются ограничения академических дисциплинарных конвенций, как профессиональные знания и навыки совмещаются с формами общения с непосвященной аудиторией? Как преобразуется само это знание и опыт его производителя?

Ответы на перечисленные вопросы требуют разнотипных исследований. Они могут быть, например, текстологическими (сравнение разных регистров академической и публичной речи/письма одного и того же историка). Такой подход представляет собой отдельную и трудоемкую работу, и здесь мы можем лишь указать на него как на многообещающую исследовательскую перспективу. Сами мы не предполагаем заниматься текстологическим анализом, равно как в рамках этой работы нас не занимает тема контента (о чем говорят публичные историки). В данном случае мы решили обратиться к самим историкам, и материалом для нашего анализа послужили интервью. Наши вопросы: почему, зачем и как профессионалы говорят с непрофессиональной аудиторией. Однако, задавая вопросы, мы стремились получить знание и о статусе публичной истории в России. В процессе общения мы пытались выяснить, признается ли публичная история частью профессии или «работой по совместительству», хобби, «звездной болезнью» академического историка. Но более всего нас интересовала рефлексия по поводу самой практики публичной истории: мысли историков о целях, формах репрезентации исторического материала, особенностях общения с видимой и невидимой публикой⁸.

res. Bielefeld, 2009; Tomann J., Nießer J., Littke A., Ackermann J., Ackermann F. Diskussion Angewandte Geschichte. Ein neuer Ansatz? <http://docupedia.de/zg/Diskussion_Angewandte_Geschichte>.

⁸ Мы признательны декану факультета филологии НИУ ВШЭ Е.Н. Пенской за данное нам интервью (29 ноября 2013 г.), в котором она поставила вопросы разработки сценария

Респонденты

Исходным материалом для изучения данной темы стали интервью, собранные студентами, работавшими в Центре университетских исследований ИГИТИ, а также участниками научно-исследовательского семинара «Введение в историю и практику университетской жизни», проходившего под руководством Е.А. Вишленковой в период с 2012 по 2014 г. Основная познавательная задача опроса заключалась, с одной стороны, в создании источников по истории постсоветских университетов, а с другой – в производстве и расшифровке образа университета, созданного университетскими людьми. Однако, среди прочих, вопросник включал и темы, позволяющие оценить представления современных российских историков о публичности в истории⁹.

Аналізу на первом этапе подверглись 36 интервью с историками различных регионов России¹⁰. Респондентов можно разделить на две группы: тех, кто участвует в публичных выступлениях и признает себя публичной фигурой, и тех, кто к публичной истории не причастен. Из рассказов последних мы либо узнаем о том, что они думают о публичности вообще (о ее месте и роли в профессиональной жизни российского историка, о причинах роста интереса к публичности и т.п.¹¹), либо о том, в чем они видят функцию современного исторического знания, в том числе транслируемого широкой аудитории¹². Ожидаемо наиболее нюансированными оказались рассказы тех историков, кто признает себя публичными. В них собственный опыт рассказчика переплетается с общими рассуждениями о роли публичной истории. Эти признания позволили выяснить, какие сферы деятельности современные историки относят к публичному пространству (к примеру, ответ М.Ю. Гребенкина сводится к перечислению выполняемых им видов деятельности, которые он относит к публичным)¹³, об их отношении к популярной истории (от резко

публичного выступления, коммуникационных гипотез, трансформации академического языка. Мы не использовали здесь это интервью только потому, что ограничиваемся исторической профессией.

⁹ Более подробно о принципах организации и основных направлениях работы Центра университетских исследований можно узнать в статье: З.С. Гатина, Д.М. Гребенкина. Возможности и ограничения устной истории. 2014 (в печати).

¹⁰ Список респондентов с краткими сведениями о них дан в конце статьи.

¹¹ И.М. Савельева, Л.К. Масиель Санчес.

¹² С.Б. Крих, С.В. Квашонкина, А.Н. Шапкина.

¹³ М.Ю. Гребенкин.

негативного до крайне доброжелательного) и лишь частично о том, что происходит с их языком, моделью поведения, ходом мыслей при публичных выступлениях¹⁴. Из некоторых ответов сложно заключить, участвовал ли информант в публичных выступлениях¹⁵, у части интервьюируемых опыт публичного выступления был разовым¹⁶. Анализ собранных текстов убедил нас в том, что ученые легко и по-разному отвечают на вопрос, почему они выступают перед публикой, но уклоняются от ответа на вопрос о том, как трансформируется их мастерство, или высказываются довольно однообразно.

Мы полагаем, что такой результат не случаен. Во-первых, вопрос о публичности был одним из 13, содержащихся в вопроснике (к тому же, с каждым годом вопросник расширялся, охватывая все новые и новые темы). Во-вторых, данный вопрос задавался, как правило, одним из последних, и информант к концу беседы мог устать и потому отвечал кратко. В-третьих, вопрос о публичной истории не был определяющим для исследовательского проекта. Эти обстоятельства побудили нас создать специальный вопросник, стимулирующий историков, выступающих перед широкой публикой, к разносторонней рефлексии о собственной деятельности.

В итоге нами была проведена серия интервью с историками факультета истории НИУ ВШЭ и историками нескольких региональных вузов¹⁷. Почти все историки НИУ ВШЭ относятся к числу «отцов-основателей» факультета истории. Мы признаем, что обращение к ним аккумулировало мнения узкого круга известных историков известного вуза, востребованных ведущими популярными историческими программами. Стараясь выйти за пределы этого узкого круга специалистов, сконцентрированных в стенах одного известного вуза, мы расширили географию университетов и вышли на историков, работающих в университетах Самары, Казани, Санкт-Петербурга, Волгограда. При этом мы имели дело и с историками, работающими на профильных факультетах (исторических отделениях и институтах), и с учеными, преподающими историче-

¹⁴ Е.А. Вишленкова, Е.Б. Смилянская, Т.Г. Архипова, И.Н. Данилевский, А.Ю. Виноградов, А.В. Корневский, А.Л. Камалов, И.П. Кулакова.

¹⁵ А.Н. Бикташева, А.Н. Блинова.

¹⁶ С.П. Бычков.

¹⁷ Интервью были взяты в течение 2014 г. посредством устной беседы, скайп-звонков и переписки по электронной почте. При этом интервьюерами выступали И.М. Савельева и З.С. Гатина.

скую дисциплину на непрофильных факультетах. Кроме того, нам удалось пообщаться как с теми, кто участвует в медийной среде, так и опросить тех, кто ее формирует (например, И.Р. Тагирова).

В итоге мы проанализировали 44 интервью с российскими историками. Все они являются профессионалами, активно занимаются научной деятельностью и преподавательским ремеслом, многие из них имеют опыт выступлений в средствах массовой информации, на телевидении, радио, в интернет-ресурсах. Речь идет о людях, заслуживших репутацию признанных ученых, известных как минимум на региональном уровне. Таким образом, наша выборка на данном этапе не отражает представления о публичной истории широких кругов исторического сообщества и данный кейс ни в коей мере не претендует на анализ взглядов представителей исторического цеха в целом. Нам важна была саморефлексия наиболее активной части. Именно ответы на заданные нами вопросы показали, что когда историки говорят о публичной деятельности, они подразумевают медийную сферу (причем преимущественно «старые СМИ»). Тем самым наше исследование невольно смещается к анализу истории, представленной в медиа, в репрезентации которой участвуют современные российские историки.

Вопросы

При обращении к текстам интервью необходимо учитывать особенности, связанные, прежде всего, с характерными признаками группы информантов. Методологическими ориентирами послужили советы одного из основателей устной истории, Лутца Нитхаммера, которыми он поделился с нами в одном из своих интервью¹⁸.

Нитхаммер рекомендовал учитывать высокий уровень рефлексивности университетских преподавателей. По его мнению, рабочий или крестьянин «обладают определенной наивностью в саморепрезентации, которая потом облегчает [исследователям] извлечение информации из рассказа, в отличие от той ситуации, когда сам человек прекрасно знает, как все это функционирует, и ведет себя в интервью хитрее, следит за тем,

¹⁸ Интервью было взято руководителем студенческой лаборатории Центра университетских исследований З. Гатиной 18 октября 2013 г. Оно опубликовано на сайте этого центра <<http://igiti.hse.ru/unimemory/int-nithammer>>.

что он рассказывает»¹⁹. Преподаватели по характеру профессии вынуждены постоянно прибегать к практикам саморепрезентирования. Они не только работают с текстами, но и сами их производят. Это позволяет им направлять беседу в нужное для них русло и контролировать свою речь в зависимости от ожиданий и представлений о цели интервью. Однако в нашем случае это обстоятельство должно было облегчить сбор материала: историки понимали цель беседы и давали внятные ответы.

Поэтому мы разработали вопросник, составленный из вопросов прямых, недвусмысленных и открытых, отвечающий пробному характеру нашего исследования. Вопросник содержит следующие позиции:

– *Существует ли принципиальная разница между выступлениями перед академическим сообществом и неподготовленной публикой, и если да, то в чем?*

– *Существует ли разница между целями выступлений перед различными публиками?*

– *Меняется ли при выступлении язык, и, если да, то как?*

– *Меняется ли при выступлении система аргументации, и, если да, то как?*

– *Зависит ли модель поведения от жанра выступления (устное/письменное, монолог/диалог, закрытое/открытое и т.д.) или существует некая универсальная модель?*

– *Приходится ли разрабатывать сценарий перед каждым новым выступлением?*

Темы этих вопросов и структурируют наш дальнейший анализ.

Публика

Философы много размышляли о феномене публики²⁰; известные социологи – Алан Вольф, Роберт Патнэм, Тедда Скокпол, Ричард Сеннет – считают, что публика (общественность) сегодня исчезает под разруши-

¹⁹ Текст интервью выложен на сайте Центра университетских исследований ИГИТИ НИУ ВШЭ <<http://igiti.hse.ru/unimemory/int-nithammer>>.

²⁰ Об этом писали Роберт Парк, Уолтер Липпман, Джон Дьюи, Ханна Арендт, Юрген Хабермас, Майкл Уолцер.

тельным влиянием рынка, колонизации социума со стороны медиа и бюрократических уловок²¹.

Однако нам кажется, что существование «публичной науки» и социокультурные стимулы ее возникновения свидетельствуют, возможно, об обратном. В определенном смысле публика только сейчас и возникает, причем уже не как масса, к которой обращен авторитетный голос специалиста, а как партнер по коммуникации. Когда социолог и проponent публичной социологии Майкл Боровой дифференцирует различные виды социологии, включая туда и публичную социологию, он вводит два критерия выделения: 1) какие задачи решает та или иная социология и 2) к каким аудиториям она обращена. Действительно, и в случае публичной истории очень важно дифференцировать аудиторию, «публику», поскольку публичная история «может означать историю для публики, историю публики, историю, создаваемую самой публикой или при ее участии»²². При этом, говоря о публичной истории, всегда приходится иметь в виду специфику аудитории, к которой обращается или с которой взаимодействует историк – общее понятие «публика» здесь не всегда инструментально.

Историки, с которыми нам удалось пообщаться, в целом не имеют четких представлений о непрофессиональной публике и ее сегментах. Более того, они не проводят жесткого водораздела между профессиональной и непрофессиональной аудиториями. «Пограничными» аудиториями при этом выступают, к примеру, первокурсники («неподготовленная публика», как называет их И.И. Курилла, или «промежуточное звено», согласно определению А.Б. Окуня), и даже участники международных конференций. И в первом, и во втором случаях историкам, по их словам, приходится «упрощать» язык и делать его более ясным. Образ «широкой публики», как правило, включает в себя минимум три группы. Информанты определяли их так: «увлеченные и адекватные», «увлеченные до фанатизма», «увлеченные и разбирающиеся»²³. О стратегиях взаимодействия с каждой из этих групп и способах преодоления дискомфорта речь пойдет ниже.

²¹ Burawoy M. For Public Sociology. Presidential Address 2004 // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. P. 4–28.

²² Franco B. Public History and Memory: A Museum Perspective // *The Public Historian*. 1997. Vol. 19. No. 2. P. 65.

²³ П.Ю. Уваров, Е.Б. Смилянская, М.А. Давыдов.

Опрошенные нами историки, размышляя о публичной сфере, как о «популяризаторстве, генерации смыслов в неакадемической среде»²⁴, признают существование различных способов презентации прошлого в публичном пространстве. Однако, говоря о собственном опыте общения с публикой, они редко упоминают о письменных текстах, хотя некоторые все же говорят о возможности выступать публично посредством письма²⁵. В понимании большинства респондентов публичность ограничивается исключительно устными выступлениями. Это проявляется, в частности, и в том, что в разговоре о науке предпочтение отдаётся письменному тексту, а выступление на публике ассоциируется с устным форматом. Возможно, такие представления связаны с различием информационных возможностей передачи знания, которыми обладают письменное и устное высказывание.

Кроме того, письменные и устные высказывания предполагают разный уровень ответственности перед читателем или слушателем. И в этом отношении мнения наших информантов разделились. Одни считают, что письменный текст, как заведомо имеющий большую по размерам аудиторию, должен быть более строгим, продуманным, и ошибки в нем недопустимы²⁶. С другой стороны, как признается Б.Ф. Султанбеков, устные выступления, особенно в прямом эфире, в отличие от популярной статьи, в которой исправление ошибок возможно в процессе работы, требуют большей осторожности, потому что «каждое твое слово фиксируется и принимается слушателем»²⁷.

В условиях медиакоммуникаций образ слушателей часто заслоняется образом ведущего (редактора или журналиста). По мнению А.Б. Давидсона, разговор с толковым ведущим равнозначен выступлению перед профессионалами. При этом он должен не только разбираться в заявленной теме, но и иметь хотя бы общие представления об исследовательских интересах выступающего, знать несколько работ своего собеседника. О.В. Будницкий отметил, что роль ведущего особенно значима в двух случаях: когда появляется необходимость оживить разговор или изменить его курс в определенном направлении. Во второй ситуации ведущий выступает, скорее, в роли раздражающего фактора. Таким образом,

²⁴ И.В. Карацуба.

²⁵ А.М. Семенов, И.Р. Тагиров, Л.Н. Попкова, А.Б. Окунь, Б.Ф. Султанбеков, Е.А. Вишленкова, Т.Г. Архипова.

²⁶ А.Б. Окунь.

²⁷ Б.Ф. Султанбеков.

журналист – это, прежде всего, профессионал в сфере журналистики. Будет ли он помогать выступающему или, наоборот, мешать, зависит от его профессиональных компетенций как журналиста, от его темперамента и задач, которые он ставит. Возможна и обратная ситуация, когда историк из ведомого, приглашенного, принимающего вызов, отвечающего на вопросы, превращается в ведущего, организующего, формирующего ход встречи. И.Р. Тагиров, рассказывая об опыте ведения собственной передачи, говорит, что, играя разные роли, ему всегда важно добиться укрепления и доверия собеседников.

Последнее, что нужно отметить, говоря об образе публики, выступления историков в команде (ток-шоу, дискуссии) меняют формат выступления. Здесь уже речь идет о некоей интерактивной форме беседы, или диалоге.

Цели и мотивы

Если говорить о разнице в целях академических и публичных выступлений, то большинством опрошенных высказывания в среде профессионалов воспринимаются как часть научной работы. В этом случае на суд узкой профессиональной группе представляются результаты исследования. При этом историки рассчитывают «получить злые вопросы, критику и замечания»²⁸, которые откроют перед ними дальнейшие перспективы изучения.

Общение с публикой признается не менее полезным, поскольку, с одной стороны, оберегает от опасности замкнуться в узком профессиональном кругу (метафору «закрыться в башне из слоновой кости» использовали три респондента: Е.А. Вишленкова, О.С. Воскобойников, А.В. Марей), а с другой – позволяет определить, насколько высказанные идеи понятны и непротиворечивы: «Я исхожу из того, что “искусство должно быть понятно народу”. Научное понимание истории должно быть каким-то образом доступно непрофессионалам»²⁹. В основе многих публичных выступлений лежит «элементарное просветительство»³⁰, которое выражается в желании «поднять интерес к теме, объяснить, подвигнуть

²⁸ М.А. Давыдов.

²⁹ О.В. Будницкий.

³⁰ М.А. Давыдов.

к дальнейшему чтению, расставить пунктиры, объяснить какие-то спорные моменты»³¹. Историк не просто просвещает, он помогает слушателю ориентироваться в социальном и политическом пространстве, защищая от опасности «манипулировать собой»³².

Весьма интересными нам показались мнения тех историков, которые видят свою задачу не только в просвещении, но и в некоем моральном императиве: «оказать влияние на сознание слушающих», «прояснить смысл тех вопросов, которые задаются обществом»³³, «создать своеобразный иммунитет против антиисторических или фальсификационных тенденций»³⁴, заполнить «белые дыры» и «черные пятна» истории, которые все растут и растут, приводя к потере основных общественных ориентиров»³⁵. Причисляя себя к «борцам идеологического фронта», а историю называя «полем битвы», А.Б. Окунь старается противопоставить непрофессионалам «аргументацию, объективный научный подход, факты, апелляцию к рациональному, к сознанию и способности критического исторического мышления»³⁶. Осознание особой роли, присущей историкам, заставляет Л.Н. Попкову закрывать глаза на чудовищные пороки интерпретации ее текстов или публикации в сомнительных изданиях под сомнительными заголовками: «Меня это совсем не возмущает, если это полезно. Если они растут, ради Бога. Просто смешно быть рядом с какими-то рецептами. Меня это совсем не возмущает. Чем больше будет опубликовано, известно, тем лучше. В этом я вижу миссию»³⁷.

Нужно отметить, что историки, размышляя о целях выступлений перед разными аудиториями, выделяют общие моменты, такие как желание заинтересовать публику, «вытащить кролика из цилиндра»³⁸. Интересно, что для большинства из них выступление перед коллегами как бы встраивается в череду других выступлений, которые уже были и еще предстоят. Напротив, выход на публику (если только речь не идет о цикле передач) – это однократное действие, требующее одномоментной концентрации внимания и консолидации сил исследователя. В этом отношении выступить

³¹ Л.Г. Новикова.

³² М. Могильнер, И.Н. Данилевский.

³³ А.Б. Семенов.

³⁴ Б.Ф. Султанбеков.

³⁵ М.Ю. Гребенкин.

³⁶ А.Б. Окунь.

³⁷ Л.Н. Попкова.

³⁸ П.Ю. Уваров.

перед коллегами даже проще: «Если все свои, то можно особо не тратиться на поиски ходов и просто что-то сказать», – говорит П.Ю. Уваров³⁹.

Как мы уже отмечали, среди опрошенных есть историки, не заинтересованные в выступлениях на широкую публику. Условно мы поделили их на две группы: тех, кто выступать не может, и тех, кто не любит. Если единственным препятствием к публичной деятельности, по мнению некоторых респондентов, является нехватка времени⁴⁰, то причин негативно относиться к ней гораздо больше. Основная заключается в отрицательном опыте и последующем постепенном разочаровании: «Я не публичный историк, и это не случайность, а осозанный уход»⁴¹. Разочарование, как правило, приходит вследствие неудачных полемик с малограмотными, но очень яркими и убедительными оппонентами, выдающими себя за профессиональных историков, боязни быть не услышанным, не понятым, когда выступление может оказаться «даже более чем бесполезным, то ли смешным, то ли постыдным»⁴². Кроме этого, часть историков при публичных выступлениях ощущает внутренний дискомфорт и опустошение: «Я понял, что, конечно, это не мое». Работа с широкой публикой не только не увлекает их, но и отпугивает своей энергозатратностью: «Много времени уходит на то, чтобы доехать туда, участвовать в программе... Я поняла, что это очень тяжело, и я отказываюсь от интервью, не хожу на телевидение»⁴³. Интересно, что ощущение безысходности особенно свойственно провинциальным ученым: «У нас нет той сферы, которая могла бы быть достойной таких выступлений – особенно в провинции. Она пародийна даже в столице»⁴⁴.

Лексика

Как отражается смена ролей в языке, системе аргументации, выборе сюжета, когда с кафедры ученый перемещается на публичную площадку?

³⁹ П.Ю. Уваров.

⁴⁰ Т.Г. Архипова, А.Н. Шапкина.

⁴¹ С.В. Квашонкина.

⁴² С.Б. Крих.

⁴³ Е.Б. Смилянская.

⁴⁴ С.Б. Крих.

Отвечая на эти вопросы, наши респонденты разделились на две группы. Одни утверждают, что, независимо от жанра выступления, язык их не меняется: «Я не люблю чрезмерно усложнять научные тексты. Стараюсь писать так, чтобы моя мысль была понятна без сложных конструкций, – признается А.Б. Давидсон. – Перед широкой аудиторией я стараюсь придерживаться той же линии»⁴⁵. Академический язык представителей этой группы, так же, как и публичный, прозрачен, литературен и не загроможден тяжелым научным аппаратом.

Вторая группа – это те респонденты, язык которых меняется в зависимости от характера аудитории. Они выделяют два принципа, которые обязательны в выступлении перед профессионалами и неприменимы перед широкой публикой. Это осторожное обращение со специфическими научными терминами и историографическими концептами и источниками: «Перед профессионалами ты больше ссылаешься на историографию, перед непрофессионалами ты можешь не ссылаться, они все равно не поймут, не поймут твоего пафоса», – считает П.Ю. Уваров⁴⁶. При этом предполагается, что неисторики не обладают информационным полем, на которое можно опираться в общении с профессионалами. Поэтому к кругозору широкой публики требования занижены: «Они не обязаны знать терминологию, не обязаны знать какие-то детали и подробности объекта, который ты изучаешь, соответственно, они не могут воспринимать научный доклад в чистом виде»⁴⁷.

Эти два момента четко проговариваются каждым из опрошенных этой группы, они практически возведены в правила. Еще одна проблема, которая беспокоит значительную часть респондентов, – это соблюдение баланса между языком научным и популярным и стремление не свести популярный язык к «примитивному», «обыденному», «житейскому», «бытовому», «пересказу каких-то баек», чрезмерному использованию «примеров из жизни», «житейских образцов», «народной лексики»⁴⁸. Важно, чтобы язык из ясного не перешел в вульгарный и чтобы сохранялось равновесие между понятностью и научностью языка. В остальном язык выступления зависит от индивидуальных предпочтений выступающего. «В зависимости от аудитории и целей своего выступления я адаптирую свой профессиональный язык – иногда даю пояснения терминам, иногда

⁴⁵ М.А. Давыдов.

⁴⁶ П.Ю. Уваров.

⁴⁷ А.Б. Окунь.

⁴⁸ Л.Н. Попкова, Б.Ф. Султанбеков, А.Б. Окунь.

привожу синонимический ряд какого-то понятия, иногда упрощаю интерпретацию», – признается Е.А. Вишленкова⁴⁹. Процедура такого прояснения основана на академической традиции исторической семантики и академическом правиле заключения семантических договоренностей с читателем.

Рассуждая о ясности, логике, прозрачности языка, все историки, в принципе, сходятся на том, что широкая аудитория требует языка скорее разговорного, нежели профессионального.

Однако историки испытывают заметные затруднения, признавая, что упрощение языка может расцениваться аудиторией как проявление неуважения по отношению к ней. Здесь мы сталкиваемся с тем, о чем предупреждал Л. Нитхаммер: этот моральный принцип заведомо определяет характер общения историка с публикой и затрудняет анализ того, что происходит с языком на самом деле и в чем действительно заключается процедура поиска адекватного языка.

Система аргументации

Большинство респондентов признали, что изменения в системе аргументации происходят, но как их зафиксировать? В случае выступления перед профессионалами речь говорящего обычно подчинена жесткой схеме, выстроенной в рамках профессионального дискурса, в то время как при публичном выступлении эта схема может быть более размытой, подчиненной «законам развлекательности». В академической среде историк многое редуцирует, подразумевая, что это известно, вне этой среды приходится начинать *ab ovo*.

Часть опрошенных убеждена в том, что профессионалов интересует ход мыслей, пути, по которым исследователь приходит к тем или иным промежуточным результатам, а публику – готовые суждения, не требующие подробного рассказа⁵⁰. Но другие придерживаются прямо противоположного мнения. К примеру, Е.Б. Смилянская считает, что готовыми выводами внимание аудитории не удержать, публику привлекает, «когда показываешь механику выработки исторического вывода (от чего вы идете, как находите факты, чем подтверждаете)». Возможно, это относится

⁴⁹ Е.А. Вишленкова.

⁵⁰ М.А. Бойцов.

к очень небольшому количеству историков, методы работы которых (скажем, полевые) действительно вызывают интерес и вопросы. Хотя А.Б. Окунь, американист, в этом смысле полностью разделяет точку зрения Е.Б. Смилянкой: «Самое главное – даже не самому сделать какой-то итоговый вывод, а подвести публику к нему. Тогда это будет их мысль, то знание, которое они приобрели»⁵¹. Кроме того, А.Б. Окунь признается, что общие рассуждения не способны удержать внимание аудитории: «Мне всегда казалось, что лучше построить выступление на фактах, которые сами приводят слушателей к рассуждениям и выводам»⁵². Историки сходятся в одном: выступления на публику – это «хорошо подготовленный и продуманный экспромт»⁵³.

Большая часть опрошенных отмечает, что в публичных выступлениях особенно важно – заинтересовать публику. Достичь этого можно посредством использования шуток, исторических анекдотов, ярких примеров, интересных исторических фактов, «подкреплением вербальной аргументации – визуальной, документами»⁵⁴. Желательно, чтобы рассказ перешел в диалог или другую интерактивную форму: «Выступление должно быть выстроено так, чтобы в нем присутствовали элементы сомнения, элементы вопроса, т.е. должна быть внутренняя динамика»⁵⁵. Для И.Н. Данилевского выступление перед любой аудиторией превращается в детектив, в котором присутствуют игровые элементы. Ему важно задать публике такие вопросы, на которые он сам еще не знает ответа. Это вызывает интерес не только у слушателей, но и у него самого, что подпитывает публику еще больше.

Однако стремление развлечь публику и удержать ее интерес не должно сместить акцент от содержания лекции к ее форме, важно говорить о «тех новациях в исторической науке, которые появились в последние годы (новые подходы, источники, литература) и фиксировать внимание на прояснении важнейших понятий: «патриотизм», «демократия», «либерализм», «консерватизм», «интеллигенция», «идеология», «национальная идея» и т.п.»⁵⁶.

⁵¹ А.Б. Окунь.

⁵² А.Б. Давидсон.

⁵³ О.В. Будницкий.

⁵⁴ Е.А. Вишленкова.

⁵⁵ А.Б. Давидсон.

⁵⁶ Л.М. Ляшенко.

Большинство историков убеждены в том, что только уровень и глубина профессионализма оправдывает присутствие ученого в публичном пространстве: «У нас чаще сейчас встречаются историки другого сорта, компетентность которых более чем сомнительна, но они берутся судить обо всём»⁵⁷. Публичные выступления – самый простой путь дать обществу «узнать, за что оно платит науке», поэтому важно придерживаться единой линии, говорить только о том, в чем хорошо разбираешься, не противоречить самому себе: «Цель меняться не может, т.е. нельзя одной аудитории доказывать, что Бородинская битва была победой, а другой — поражением»⁵⁸.

Конечно же, у каждого историка есть свои приемы и подходы в общении с широкой публикой. Так, А.Б. Каменский убежден, что поддержать интерес публики возможно только в том случае, если рассказ строится на персоналиях: «История – это наука про людей, а людям всегда интересно о других людях и совсем не интересно о “процессах”», – считает он⁵⁹. Для Б.Ф. Султанбекова важно сэкономить время и оградить себя от возникающих у непрофессионалов вопросов о смысле истории как науки. В самом начале выступления он предвосхищает этот вопрос: «Мы говорим о будущем. Один мудрый человек сказал, что нельзя из сегодня перейти в завтра, забывая о вчера. Вот об этом “вчера” мы и будем с вами говорить, мы его должны знать»⁶⁰. Но есть методики, которые доступны исключительно профессионалам, такие, например, как объяснение прошлого через реалии современного или доведение до абсурда. При этом говорящий должен свободно ориентироваться в теме, быть твердым в суждениях – это проявление высшего мастерства.

Моделирование поведения

Все информанты, за исключением одного (И.Р. Тагиров), вне зависимости от педагогического стажа и опыта, признаются, что готовятся к каждому выступлению, как публичному, так и академическому.

⁵⁷ А.В. Корневский.

⁵⁸ И.Л. Тихонов.

⁵⁹ А.Б. Каменский.

⁶⁰ Б.Ф. Султанбеков.

Каждый сказал, что идет с планом (прописанным в голове или на бумаге): «Чтобы выступление было хорошее, нужно, чтобы была четкая логика, проработанный план для любой аудитории», – утверждает Л.Г. Новикова⁶¹. Когда И.Н. Данилевский берется за сложные темы, он проясняет их сначала для себя, а потом уже представляет публике, как профессиональной, так и неподготовленной⁶². Кроме того, общим для историков является стремление учитывать «предполагаемые фоновые знания слушателей» (Е.А. Вишленкова)⁶³ и использовать их при последующем введении в тему посредством отсылки на знакомые для аудитории вещи и практики. Причем это не зависит от того, выступает историк перед реальной публикой или виртуальной. Выступающий оценивает не только возможную ситуацию и интересы публики, но и соотносит все это с собственными ожиданиями и желаниями. И в зависимости от этого продумывает тему, сценарий рассказа и даже свой имидж (Е.А. Вишленкова)⁶⁴.

Из сорока четырех опрошенных только двое (А.Б. Давидсон и И.Р. Тагиров) говорили о единой универсальной модели выступления. Это историки с долгим профессиональным стажем, представители старшего поколения. Модель поведения у них основывается на хорошем настроении, приветливости, улыбке и чувстве юмора: «Ты не имеешь права быть в плохом настроении, быть сумрачным, ты должен быть в добром настроении», – утверждает А.Б. Давидсон. И.Р. Тагиров придерживается нескольких принципов во всех выступлениях, предполагающих доступность и простоту в изложении, идет ли речь о выступлении на телевидении, в Государственном совете Республики Татарстан или на Международном конгрессе татар. Остальные говорили, что не придерживаются единой модели поведения и либо остаются сами собой при любых обстоятельствах, либо «подстраиваются» в зависимости от условий. Оставаться самим собой помогает высокий уровень профессионализма и владение темой: «Совершенно незнакомая аудитория – я не вижу в этом большой проблемы, потому что я не буду выступать по теме, в которой я не ориентируюсь как профессионал»⁶⁵.

⁶¹ Л.Г. Новикова.

⁶² И.Н. Данилевский.

⁶³ Е.А. Вишленкова.

⁶⁴ Е.А. Вишленкова.

⁶⁵ М.А. Давыдов.

Моделирование поведения в зависимости от формата публичного выступления во многом зависит от индивидуальных особенностей выступающего. М.А. Бойцов отметил, что в случае диалога (с партнером или ведущим) его поведение будет зависеть от собеседника и собственных представлений о собравшейся публике, которое может соответствовать реалиям, а может – и нет. П.Ю. Уваров, относящийся к публичным выступлениям и перед академиками, и перед школьниками, и перед аспирантами, признается, что испытывает дискомфорт, когда остается один на один с камерой: «Мне нужно, чтобы я видел собеседника или собеседников. Даже если их много, ты всегда выбираешь одного или нескольких и смотришь, как они реагируют»⁶⁶. Трудность при общении с «обезличенной камерой» отметила и Е.А. Вишленкова: «Для говорения мне нужны глаза слушателей. Мне нужен отклик, реакция. Пусть мимическая. В этом смысле я человек диалогичный»⁶⁷. Для А.Б. Давидсона важно в самом начале выступления дать импульс, задать темп. В роли такой отправной точки выступают вопросы, которые он всегда задает аудитории: «Чего вы ждете от сегодняшнего собрания? Что бы вам было интересно? Какие у вас есть вопросы?». Именно с их помощью публика из молчаливых слушателей превращается в соучастников общего дела. Выступление в прямом эфире как гарант сохранности первоначального смысла выступления является основным условием Л.Н. Попковой при взаимодействии с телевидением.

Многое зависит от тематики выступления. Есть такие темы, которые общеизвестны или связаны с непосредственными интересами человека, как, например, гендерные исследования. В таком случае у выступающего есть возможность рассказать о неожиданных фактах, которые хорошо ложатся на знания, которые у публики уже есть. И это предоставляет больше возможностей сделать выступление более интересным и актуальным в научном плане. В то же время именно по таким темам в головах слушателей уже заложены стереотипы. Это обстоятельство вынуждает историков, занимающихся популярными сюжетами, не расслабляться, находиться в постоянном напряжении и быть готовыми всегда дать отпор: «Надо уметь реагировать быстро на самые нелепые вопросы, причем сохранять выдержку, не раздражаться, не обвинять. Нужно стремиться сохранять спокойствие, выдерживать свою линию, аргументированно,

⁶⁶ П.Ю. Уваров.

⁶⁷ Е.А. Вишленкова.

но при этом не пасовать»⁶⁸. Есть, напротив, очень специфические темы, по которым у аудитории практически нет базовых знаний. Рассказывая об Африке, А.Б. Давидсон вынужден поведать только основное, не углубляясь в подробности. Тогда приходится рассчитывать отведенное время, экономить его и, соответственно, совсем по-иному выстраивать свое выступление.

Наиболее рискованной формой высказывания, по признанию наших респондентов, являются телевизионные выступления не в прямом эфире: «Телевидение имеет, как Мидас, некую обратную власть: не в золото, а все наоборот превращать, к чему оно прикасается»⁶⁹. Никто не знает, чего ожидать в итоге, какая часть из высказанного окажется в эфире, в каком контексте и как это будет проинтерпретировано.

Кроме подобных записей, трудность вызывает общение с публикой, культурный опыт которой совсем не известен. Е.А. Вишленкова рассказывала, что однажды ей пришлось выступать перед британскими инженерами. Иногда случается так, что предварительно сконструированный лектором образ слушателей входит в конфликт с действительностью вследствие переоценки уровня осведомленности собравшихся, испуга или, наоборот, чрезмерного расслабления. Не всегда удается с легкостью выйти из сложившейся некомфортной ситуации. Если одни перенастраиваются, другие приходят к выводу, что лучше «перестрадать, перетерпеть, найти форму существования, стараться завершить с чувством облегчения или отчаяния, что все пошло так плохо и криво, скорее забыть эту неудачу и в следующий раз постараться сделать по-другому», – считает М.А. Бойцов⁷⁰.

Анализ собранных интервью демонстрирует точечный, индивидуальный характер саморефлексии очень небольшой, но хорошо известной группы современных российских историков.

Мы задавали вопросы, которые позволили бы диагностировать существование публичной истории как профессии. Ответы показали, что в России профессионализация публичной истории находится в зачаточном виде, о чем свидетельствует тот факт, что в представлениях самих историков отсутствуют основные параметры профессии. При этом выявить

⁶⁸ Л.Н. Попкова.

⁶⁹ А.Ю. Виноградов.

⁷⁰ М.А. Бойцов.

механизмы профессионализации публичной истории в современной России оказалось достаточно сложно. Для российского историка «[публичная история] – это все-таки не профессия, а один из видов профессиональной деятельности»⁷¹. О значимости таких факторов, как специальная подготовка, установление монополии на статус, экспертизу и наложение санкций, никто из опрошенных историков даже не задумывался и, соответственно, не выделял их в своих рассказах о публичности.

Наши материалы позволяют утверждать, что на данном этапе сложно провести разграничения между принципами «любительства» и «профессионализации» в сфере публичной истории в России. Это проявляется, в частности, в том, что для большинства опрошенных не существует принципиального различия между выступлением перед академическим сообществом и неподготовленной публикой, а понятия «публичный историк» и «академический историк» слабо дифференцируются.

Такая ситуация поддерживается и системой обучения на исторических факультетах российских университетов. В Америке, Англии, Германии довольно активно развивается обучение публичной истории на уровне магистратур, где историков специально готовят к работе с публикой⁷². В России общению с неподготовленной публикой не учат вовсе, в то время как выступлению перед профессионалами обучают с первого курса (выступление среди специалистов признается частью научной работы, апробацией ее результатов). Навыки общения с широкой аудиторией у наших историков нарабатываются опытом, а также подражанием кумирам, выступающим на телевидении, радио или в интернет-пространстве.

Российские историки свою задачу видят преимущественно в просвещении, ознакомлении широкой публики с достижениями современной науки и участии в дискуссиях по вопросам, имеющим важное общественное значение. В связи с таким пониманием задач заслуживает внимания вопрос о целеполагании работы с публикой. Например, для публичных социологов изначально очень важно было информировать публику и вдохновлять ее на определенный тип действия. Историки чаще используют глагол «просвещать», а логика просвещения изначально ставит актора в другое положение: в позицию власти, в позицию номинации. Возможно,

⁷¹ А.Б. Каменский.

⁷² Сейчас в США существует значительное число магистерских программ по публичной истории, сопоставимое с количеством программ по Cultural studies.

это свидетельствует просто о неосвоенности новой риторики, т.е. на самом деле историки *информируют*, но называют это *просвещением* (см. комментарий А.Б. Давидсона о стремлении превратить аудиторию «из молчаливых слушателей в соучастников общего дела» на с. 20). Однако во многих случаях очевидна неготовность говорить с позиции партнера (сохранение идеи о доминирующей позиции интеллектуала по отношению к публике).

Очень многое в рефлексии наших историков можно объяснить контекстом университетской жизни в России. Так, никто не говорил о том, что современные стратегии инвестиций в академическую карьеру связаны, прежде всего, с новой ситуацией в университете, ориентированном на рекламу и наём ученых с репутацией медийных звезд. А любой западный профессор сказал бы именно об этом: медиа востребует символический капитал университета, а тот, в свою очередь, – медийный капитал своих профессоров. Надо заметить, что у нас, более, чем в сообществах с устойчивыми профессиональными конвенциями (как в науке, так и в медиасреде), затруднена конвертация в негативный символический (академический) капитал.

Российским историкам наиболее важными моментами в дискурсе о публичной науке представляются приверженность этическим нормам и общественным ожиданиям, некоторые конвенции, связанные с использованием языка (осторожное обращение со специфическими научными терминами и историографическими концептами) и системой аргументации (яркость, иллюстративность, предметность) при общении с широкой аудиторией.

Мы спрашивали о профессии и практиках публичной истории, и оказалось, что представления о публичной истории сводятся преимущественно к выступлениям академического историка в медиа, причем в основном – в старых медиа. Практически все рассказывали о себе в медийной среде. В ответах мы почти не обнаружили понимания публичной истории как профессии, предполагающей немедийные формы работы с публикой на общественных площадках. В то же время, если обратить внимание на проблему соотношения профессиональной самореализации и медиа (хотя специально такой вопрос не задавался), то в интервью создается достаточно бесконфликтный образ. Хотя отчасти тема сложности затрагивается, в целом кажется, что историки, рассуждая о своей работе в медиа, допускают, что их профессиональная самореализация и их медиаактивность, построенная на основе профессиональной состоятель-

ности, могут гармонично сосуществовать. Опыт зарубежных коллег, напротив, свидетельствует о четко осознаваемом конфликте, равно как и об осмысленных стратегиях использования медиа для профессионального продвижения⁷³. Наверное, стоит заострить внимание на этой проблеме и в следующие интервью включить вопрос о конфликтах с медиа-средой.

Только небольшая группа историков затрагивает проблему профессионализации публичной истории в России, когда рассматривает ее в качестве одного из видов профессии (Т.П. Гусарова), говорят об оплате (А.Б. Каменский), называют ее тяжелым трудом (И.П. Кулакова), разграничивают публичную историю как сферу деятельности и как учебную дисциплину (А.В. Свешников). Зато многие говорят о публичных выступлениях как о миссии, а некоторые и как о празднике: «Публичные выступления – в какую бы форму они ни облекались – это всегда праздник для меня. И мне всегда хочется, чтобы это был праздник и для моих слушателей»⁷⁴. Публичность для многих наших респондентов – это возможность самореализации в какой-то иной сфере, которую они почти не связывают со своей академической карьерой.

Список информантов:

1. Архипова Татьяна Григорьевна – декан факультета документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Интервью состоялось 28 ноября 2012 г.

2. Бережнова Марина Леонидовна – доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета. Интервью состоялось 23 марта 2013 г.

3. Бикташева Алсу Назимовна – профессор кафедры социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее НИУ ВШЭ) (Москва). Интервью состоялось 6 ноября 2012 г.

⁷³ Bourdieu P. Sur la télévision, suivi de L'Emprise du journalisme. Liber, 1996. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М., 2002; Moran J. Cultural studies and academic stardom // International Journal of Cultural Studies. 1998. Vol. 1 (April); Shumway D. The Star System in Literary Studies // PMLA: Publications of the Modern Language Association of America. 1997. 112/1 (January); Пэнто Л. Философская журналистика // Sociologos. 05.06.2009.

⁷⁴ М.Ю. Гребенкин.

4. Блинова Анна Николаевна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии исторического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 29 марта 2013 г.

5. Бойцов Михаил Анатольевич – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 12 мая 2014 г.

6. Будницкий Олег Витальевич – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 11 марта 2014 г.

7. Бычков Сергей Павлович – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 4 сентября 2013 г.

8. Варьяш Ирина Игоревна – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 27 июня 2013 г.

9. Васильев Алексей Григорьевич – доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета. Интервью состоялось 5 июля 2013 г.

10. Виноградов Андрей Юрьевич – доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 г.

11. Вишленкова Елена Анатольевна – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Письмо с ответами на вопросник было составлено 20 марта 2014 г.

12. Воскобойников Олег Сергеевич – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 г.

13. Гребенкин Михаил Юрьевич – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, старший преподаватель кафедры криминологии Казанского юридического института МВД России. Интервью состоялось 7 марта 2013 г.

14. Гусарова Татьяна Павловна – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 7 сентября 2013 г.

15. Давидсон Аполлон Борисович – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 4 марта 2014 г.

16. Давыдов Михаил Абрамович – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 14 марта 2014 г.

17. Данилевский Игорь Николаевич – заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в январе 2014 г.

18. Иванов Анатолий Евгеньевич – профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН. Интервью состоялось 27 марта 2013 г.

19. Камалов Айрат Ленарович – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, преподаватель Казанского юридического института МВД России. Интервью состоялось 14 января 2013 г.

20. Каменский Александр Борисович – декан факультета истории НИУ ВШЭ, Москва. E-mail переписка состоялась 9 января 2014 г.

21. Карацуба Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, в 1994–2011 гг. работала на факультете иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова доцентом кафедры региональных исследований. В настоящее время преподает в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. Интервью состоялось 16 ноября 2012 г.

22. Квашонкина Светлана Васильевна – выпускник исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, декан факультета довузовской подготовки НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 г.

23. Корневский Андрей Витальевич – доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений исторического факультета Южного Федерального университета. Интервью состоялось 18 мая 2013 г.

24. Крих Сергей Борисович – доцент исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 28 ноября 2012 г.

25. Кулакова Ирина Павловна – доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 8 ноября 2013 г.

26. Курилла Иван Иванович – заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Института истории факультета международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета. Письмо с ответами на вопросник было составлено 4 мая 2014 г.

27. Лященко Леонид Михайлович – профессор кафедры истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета. Интервью состоялось 10 октября 2013 г.

28. Марей Александр Владимирович – доцент кафедры практической философии факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 3 июня 2014 г.

29. Масиель Санчес Лев Карлосович – доцент факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 ноября 2013 г.

30. Могильнер Марина Борисовна – кандидат исторических наук, до 2005 г. занимала должность доцента кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования исторического факультета Казанского государственного университета, редактор журнала «Ab Imperio». Интервью состоялось 30 октября 2012 г.

31. Новикова Людмила Геннадьевна – доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 14 марта 2014 г.

32. Окунь Александр Борисович – доцент кафедры зарубежной истории исторического факультета Самарского государственного университета. Интервью состоялось 12 июня 2014 г.

33. Попкова Людмила Николаевна – доцент кафедры зарубежной истории исторического факультета Самарского государственного университета. Интервью состоялось 10 июня 2014 г.

34. Румянцева Марина Федоровна – доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 мая 2012 г.

35. Савельева Ирина Максимовна – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва), директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева. Интервью состоялось в 2011 г.

36. Свешников Антон Вадимович – доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Интервью состоялось 29 февраля 2013 г.

37. Семенов Александр Михайлович – декан факультета истории НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Интервью состоялось 13 мая 2014 г.

38. Смилянская Елена Борисовна – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 5 марта 2014 г.

39. Султанбеков Булат Файзрахманович – доктор исторических наук, в 1991–1993 гг. занимал должность заведующего кафедрой Татарского института повышения квалификации работников образования. Интервью состоялось 26 июня 2014 г.

40. Тагиров Индус Ризакович – заведующий кафедрой отечественной истории Института истории Казанского (Приволжского) Федерального университета. Интервью состоялось 27 июня 2014 г.

41. Тихонов Игорь Львович – доцент кафедры археологии факультета истории Санкт-Петербургского государственного университета. Интервью состоялось 14 мая 2014 г.

42. Уваров Павел Юрьевич – заведующий кафедрой социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 14 марта 2014 г.

43. Шапкина Алла Николаевна – выпускница исторического факультета Московского педагогического государственного университета, кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли. Интервью состоялось в октябре 2014 г.

44. Шукуров Рустам Мухаммадович – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Интервью состоялось 22 ноября 2012 г.

Gatina, Zarina, Savelieva, Irina.

Historians outside the Academy: the Analysis of Representations Based on Interviews [Text] : Working paper WP6/2014/05 / Z. Zarina, I. Savelieva ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2014. – 32 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies. (In Russian.)

The article traces the perceptions of public history among Russian historians. Having analyzed the interviews with key Russian historians the authors try to determine how the academic historians understand the phenomena of public history and in what forms scholars support it. The authors' aim is to find out whether academic historians consider public activity as a part of their profession or not. On the one hand the paper analyzes the mechanisms of the public presentations; on the other hand it deals with the reflection on the peculiarities of the argumentation system and communication language.

Препринт WP6/2014/05
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Гатина Зарина Салидаровна, Савельева Ирина Максимовна

**Историки вне стен академии:
анализ представлений на основе интервью**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2
Усл. печ. л. 1,9. Заказ № . Изд. № 1901

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»